

И. Акулинин¹⁶⁴ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО В БОРЬБЕ
С БОЛЬШЕВИКАМИ¹⁶⁵

По освобождении Оренбурга от советской власти и по очищению войсковой территории от большевистских банд Оренбургское войско не сложило оружия: оно продолжало борьбу за воссоздание России.

Но справедливость требует сказать, что после изгнания большевиков с казачьей земли энтузиазм среди казаков сразу упал; появилось желание разойтись по домам, тем более что наступило время сенокоса и уборки хлебов; многие казаки по близорукости считали большевиков совершенно разгромленными; некоторые смотрели на борьбу вне территории войска как на дело, их не касающееся. Казакам понятен был лозунг борьбы «за родные станицы», когда затрагивались их непосредственные интересы, но драться с большевиками «за мужичьи выгоды» у них не было никакого желания, особенно когда — во время преследования красных за пределами войска — они увидели, что крестьяне соседних областей и губерний не только не восстанут против большевиков, но по-прежнему держат их сторону и всячески стараются вредить казакам. Многие сотни рабочих уральских горных заводов, побросав дома и семьи, уходили за большевистскими отрядами, пополняя их ряды. Такие факты обескураживали казаков и еще более укрепляли их в мысли, что они свое дело сделали, большевиков «из родного Войска» выгнали и, следовательно, теперь могут со спокойной совестью расходиться по домам, чтобы заняться своими казачьими делами, и в первую голову приведением в порядок своих разоренных хозяйств.

Что касается дальнейшей борьбы за освобождение России, то от нее казаки отнюдь не отказывались, но считали, что такой грандиозный подвиг им не под силу, что то дело не одних казаков, всего русского народа, в первую очередь крестьян, которые теперь получили от государства «землю и волю». Под давлением таких настроений среди казачьей массы Войсковому правительству пришлось часть казаков, из наиболее старших возрастов, распустить по домам на полевые работы и в то же время разрешить начальникам частей широко применять кратковременные отпуска. Эти меры сильно ослабили полки, а среди оставшихся под ружьем породили недовольство.

Между тем большевики далеко не были сломлены. Главные их силы отошли к Актюбинску. Получив подкрепления из Ташкента, они при-

остановили свой отход и перешли к активной обороне. По обеим сторонам Ташкентской железной дороги в 150 верст к юго-востоку от Оренбурга образовался Актюбинский фронт. Часть большевиков засела в Орске. Часть их отрядов из-под Оренбурга, Верхнеуральска и Троицка укрылись в Башкирии — в пределах Уфимской и Пермской губерний. Из района Челябинска большевики отступили к Екатеринбург и далее за реку Каму.

Большая часть казачьих сил 1-го округа была сосредоточена на Актюбинском фронте и под городом Орском. 2-й округ выслал свои отряды для преследования красных в Башкирии и для блокады Орска. Полки 3-го и 4-го округов были направлены на Уральское и Пермское направления, а частью на Актюбинский фронт. Из Оренбурга один полк был послан в Самару на помощь войскам Комитета членов Учредительного собрания, а другой полк — к уральцам, в благодарность за оказанную ими поддержку.

Таким образом, оренбургское казачество, помимо непосредственной обороны своей территории, приняло самое деятельное участие в борьбе с большевиками и на других фронтах. Поэтому напряжение войска, несмотря на роспуск части казаков по домам, было весьма значительно: под ружьем были оставлены все казаки до 34-летнего возраста включительно и мобилизованы 19-летние из призывного разряда.

С первых же дней по освобождении Оренбурга Войсковое правительство развило кипучую деятельность не только по ведению борьбы с большевиками, но и по направлению административно-хозяйственной и торгово-промышленной жизни обширного Оренбургского края, в состав которого вошли: Область войска Оренбургского, область Тургайская, губерния Оренбургская и уезды Бузулукский (Самарской губернии) и Стерлитамакский (Уфимской губернии). В Оренбурге находился оренбургский губернский комиссар Богданович, поставленный самарским Комитетом членов Учредительного собрания, но функции его были весьма ограничены и за городскую черту почти не выходили.

В оперативном отношении все действующие оренбургские части, кроме находящихся на Екатеринбургском и Уфимском фронтах, были сведены в отдельную Оренбургскую армию, впоследствии переименованную в Юго-Западную. Во главе армии стоял атаман Дутов, награжденный за освобождение Оренбурга чином генерал-майора. На должность начальника штаба армии был привлечен полковник Вагин¹⁶⁶, молодой офицер Генерального штаба с большими организаторскими способностями.

Вновь был создан Оренбургский военный округ со всеми военно-окружными управлениями. Главным начальником округа был назначен помощник войскового атамана, полковник Акулинин, произведенный в чин генерал-майора. Должность начальника штаба округа была соединена с должностью начальника штаба войска в лице заведующего военным отделом полковника Половникова¹⁶⁷, получившего чин генерал-майора.

Во главе военно-окружных управлений были поставлены лица с большим административным опытом; так, например, начальником военно-окружного управления был приглашен заслуженный профессор Николаевской инженерной академии генерал-лейтенант Ипатович-Горанский¹⁶⁸ (не казак); военно-окружным интендантством — полковник Агапов, много работавший в голодные годы по хлебным заготовкам и снабжению населения Тургайской области; начальником военно-окружного артиллерийского управления — полковник Исаенко¹⁶⁹, знаток артиллерийского дела и хороший организатор.

Совместительство руководящих должностей, то есть войскового атамана и командующего армией, помощника войскового атамана и главного начальника военного округа, начальника штаба войска и округа было проведено с целью избежать многоначалия, при котором всегда возможны личные недоразумения и ведомственные трения. Кроме того, имелось в виду сосредоточить все руководство делом борьбы с большевиками в руках казаков, как местных людей, хорошо знающих край.

Оренбургские войсковые части, находившиеся в районе Челябинска, Екатеринбурга, Перми и Уфы, входили вместе с сибирскими отрядами в состав группы генерала Ханжина (оренбургский казак, был известен в Русской армии как знаток артиллерии), подчиненного сибирскому командованию. В Оренбургском уезде — на основании «устава о воинской повинности» — была объявлена мобилизация неказачьего населения (призывного возраста), из которого штаб армии сформировал стрелковую дивизию нормального типа.

В Оренбург прибыла из района Челябинска и Уфы Башкирская пехотная дивизия (в составе четырех полков без артиллерии и вспомогательных войск), сформированная Башкирским правительством под руководством русских офицеров. Вместе с дивизией перебралось в Оренбург и Башкирское правительство во главе с председателем Валдовым (бывший учитель). Было приступлено к организации киргизских конных частей, для чего штаб армии командировал в степь казачьих офицеров из татар и нагайбаков, как знающих киргизский язык.

У Войскового правительства Оренбургского войска начались оживленные сношения: с Комитетом членов Учредительного собрания, с правительствами Уральского и Сибирского казачьих войск, с Башкирским и Киргизским правительствами, а также с чехословацким командованием и представителями союзных держав: французами, англичанами и японцами.

Помимо всяких других причин, в силу географических, военных и экономических условий Оренбургское войско должно было поддерживать особенно тесные и дружественные сношения с Самарой, Сибирью и чехословаками: оружие, огнеприпасы, обмундирование и деньги можно было получить только из этих трех источников.

В первых числах июля атаман Дутов выехал в Самару и как член Учредительного собрания вошел в состав комитета, установив одновременно связь с чехословацким командованием. Из Самары он поехал в Сибирь для ведения переговоров с Сибирским правительством на предмет дальнейшей борьбы с большевиками. На возвратном пути атаман Дутов остановился в Челябинске и заезжал в Троицк, чтобы ознакомиться с положением дел в северных округах войска.

С Сибирским правительством у атамана Дутова сразу установились сердечные отношения, тогда как с Самарским комитетом, несмотря на ряд соглашений, хороших взаимоотношений наладить не удалось до самого конца существования комитета. Да оно и понятно: в Сибири и Оренбурге преобладали государственные начала; самарские же политики во главу всех своих решений ставили партийную программу социалистов-революционеров.

Чехословацкими и русскими добровольческими отрядами (в числе коих наибольшую известность своими решительными действиями приобрел отряд Генерального штаба полковника Каппеля) были захвачены в Самаре, Симбирске и Казани громадные склады артиллерийского, интендантского, инженерного и санитарного имущества, а также золотой запас, который большевики при отступлении не успели вывезти из казанского хранилища.

Все это перешло в ведение Комитета членов Учредительного собрания, а последний к отпуску всего необходимого оренбургским казакам чинил всевозможные препятствия, и агентам Оренбургского войска приходилось прибегать к разным ухищрениям, чтобы получить хотя бы небольшое количество оружия и патронов, в чем так нуждалась Оренбургская армия.

Самарский комитет смотрел на себя как на верховную власть, которой должны были подчиняться все государственные образования, возникшие на территориях, освобожденных от большевиков. Ни Си-

бирское правительство, ни войсковые правительства казачьих войск такой точки зрения комитета не разделяли. После ряда переговоров решено было для создания общегосударственной власти созвать особое совещание из представителей от всех государственных образований общественных организаций и политических партий.

Предварительно для обмена мнениями депутаты совещания съезжались в конце августа 1918 года в городе Челябинске, а затем в сентябре месяце открылось и самое Государственное совещание в городе Уфе. Члены совещания сразу разделились на две группы: с одной стороны — представители комитета, инородцев, социалистов-революционеров и меньшевиков; с другой — представители Сибири, казачьих войск, кадетов и народных социалистов. Правда, всех участников совещания объединяла общая идея борьбы с большевиками за Учредительное собрание, но первая группа настаивала на признании Учредительного собрания, разогнанного большевиками; вторая же группа считала состав «Черновского» Учредительного собрания, избранного в ненормальных условиях и состоявшего почти наполовину из большевиков и левых социалистов-революционеров, неправомочным и мыслила борьбу за Учредительное собрание, которое должно будет собраться по свержении советской власти, в новом составе.

Результатом Государственного совещания в Уфе, в виде компромисса, явилась Директория из пяти лиц: Авксентьева, Зензинова, Виноградова, Вологодского и генерала Болдырева; последний был избран как главнокомандующий всеми армиями. Во время Государственного совещания в Челябинске и Уфе там же открылась казачья конференция, членами которой были представители казачьих войск, посланные на совещание. Цель созыва конференции заключалась в установлении единства взглядов казаков на создавшееся в России положение и в оказании взаимной помощи при борьбе с большевиками и разными антигосударственными течениями.

На Государственном совещании казачьи делегации выступили не порознь каждая от своего войска, а совместно — от лица всех казачьих войск, участвовавших на конференции. Поэтому голос казачества при решении всех вопросов имел первенствующее значение. Но на дальнейшее течение событий постановления конференции никакого влияния не имели; каждое войско действовало самостоятельно. На Государственном совещании участвовали представители: Оренбургского, Уральского, Сибирского, Енисейского и Иркутского казачьих войск. Во главе войсковых делегаций стояли: от Оренбургского войска — войсковой атаман Дутов (в Уфе) и помощник войскового атамана генерал Акулинин (в Челябинске); от Уральского войска — председатель Вой-

ского правительства Фомичев¹⁷⁰ и генерал Хорошхин; от Сибирского войска — войсковой атаман Иванов-Ринов и председатель Войскового правительства полковник Березовский¹⁷¹.

У Войскового правительства Оренбургского войска еще в 1917 году возникла мысль об образовании Восточного союза из трех казачьих войск: Оренбургского, Уральского и Сибирского с привлечением к нему «вольных народов Башкурдистана и Казахстана», то есть башкир и киргизов. В этот союз в будущем предполагалось включить и Туркестан, а затем соединиться с Юго-Восточным союзом, составленным из Дона, Кубани, Терека и народов Северного Кавказа.

Члены Восточного союза, самостоятельные в своих внутренних делах, должны были в политическом отношении составить одно целое и выступить на борьбу с большевиками единым фронтом. Был разработан проект договора для заключения союза и разослан всем предполагаемым участникам, но провести это начинание в жизнь, по многим причинам, не удалось, и самая идея Восточного союза была похоронена на Государственном совещании в Уфе.

Весной и летом 1918 года на Средней Волге, на Урале и в Сибири силами чехословаков, русских добровольцев и казаков большевики были ликвидированы сравнительно легко и быстро. Для продолжения дальнейшей борьбы и установления порядка в освобожденных областях Сибирское правительство организовало на началах воинской дисциплины молодую Сибирскую армию, призвав под ружье, путем мобилизации, два младших возраста — 19- и 20-летних.

Самарский Комитет членов Учредительного собрания — еще до возникновения Директории — объявил мобилизацию в приволжских губерниях и приступил к формированию Народной армии, порядки в которой сильно напоминали «керенщину». Мобилизация на территории комитета протекала вяло; мобилизованные шли в армию неохотно; комитет решительных мер не принимал. В конце концов, из Народной армии ничего не вышло: часть ее перешла на сторону красных, часть разбежалась, а остатки влились в Сибирскую и Оренбургскую армии, где стали служить на общих основаниях.

Между тем советские верхи не дремали: они собрали все, что могли, и бросили на Восточный фронт. К осени события на этом фронте стали складываться не в пользу белых сил: красные овладели Сызранью, Симбирском, Казанью и, наконец, Самарой. Утвердившись на Волге, они повели наступление на Урал по четырем направлениям: от Казани и Вятки на Пермь, от Симбирска на Уфу, от Самары частью на Уфу, частью на Оренбург и от Саратова на Уральск.

Наступление большевиков на Оренбург, со стороны Самары, вначале сдерживала Волжская дивизия, состоявшая из добровольцев-вожатых и отступавшая из района Вольска, Хвалынска и Сызрани. На помощь к ней были переброшены с Актюбинского фронта оренбургские казачьи части и из Оренбурга стрелковая дивизия, сформированная из неказачьего населения Оренбургского уезда. В войске была объявлена мобилизация казаков — сначала до 45-, а потом до 55-летнего возраста.

Таким образом, у Оренбургского войска образовался новый Бузулукский фронт — названный так по имени города Бузулука, — правый фланг которого соприкасался с Уфимской группой (впоследствии Западная армия), а левый примыкал к уральцам. Командующим Бузулукской группой был назначен генерал-лейтенант Шишкин¹⁷² (во время Великой войны генерал-лейтенант Шишкин командовал Оренбургской дивизией). Из 2-го и 3-го округов часть мобилизованных полков были направлены: дивизия на Уфу — в Западную армию и бригада в Екатеринбург — в Сибирскую армию. Актюбинская и Бузулукская группы были усилены мобилизованными казаками из 1-го и отчасти из 2-го округов. Кроме того, было сформировано несколько полков, в виде армейского резерва.

Снабжение оружием вновь мобилизованных частей встречало большие затруднения. Винтовок на всех казаков не хватало, и доставать их приходилось с большим трудом; в патронах ощущался постоянный недостаток; пушки и пулеметы имелись в самом ограниченном количестве.

Падение Самары для Оренбургского войска, помимо образования нового фронта, имело и другие весьма невыгодные последствия. С оставлением Самары терялся источник снабжения Оренбургской армии оружием и огнеприпасами (Сергиевский завод) и прерывалась железнодорожная связь с Сибирью. Из Оренбурга на восток к границам Сибири сплошного рельсового пути не было; между Орской и Троицкой железными дорогами оставался недостроенный участок в 300 верст. Следовательно, доставка из Сибири всего необходимого для Оренбургской армии теперь сильно затруднялась.

Много хлопот доставлял оренбургскому командованию город Орск, находившийся в тылу Оренбурга и отвлекавший значительные силы казаков, которые так нужны были на Бузулукском и Актюбинском фронтах. Большевики, засевшие в Орске, держались прочно благодаря помощи, получаемой ими из Ташкента. Время от времени они делали вылазки и производили опустошительные налеты на окрестные хутора и станицы. Все попытки казаков овладеть Орском кончались неудачами.

В конце сентября атаман Дутов решил во что бы то ни стало покончить с Орском и сам лично отправился руководить операциями под этим городом. Прежде всего в станицах, прилегающих к городу Орску, он собрал все население: от малолетков до глубоких стариков; сформировал из них конные, пешие и «тележные» дружины и повел их на помощь полкам, осаждавшим Орск. Правда, помощь эта была скорее морального свойства, потому что большинство дружинников шло и ехало без оружия — лишь «для устрашения врага», только у некоторых стариков были заржавленные шашки и охотничьи ружья (до этого спрятанные от большевиков в земле) да самодельные пики.

Трое суток продолжались бои на высотах, окружающих Орск с северо-востока и северо-запада. Большевики, пользуясь превосходством в артиллерии и особенно в пулеметах, легко прорывали тонкие казачьи цепи, но всякий раз были вынуждены возвращаться назад под давлением казачьих лав. Видя, как казаки постепенно спускаются с высот и облипают город со всех сторон, красные наконец не выдержали и, боясь быть отрезанными от своей базы, поспешно отступили на Актюбинск. Казачьи полки, осаждавшие Орск, были немедленно переброшены на усиление Актюбинского и Бузулукского фронтов. Атаман Дутов за взятие города Орска был произведен в чин генерал-лейтенанта.

В сентябре и октябре месяцах в Оренбурге заседал Войсковой круг, созданный на чрезвычайную сессию, ввиду серьезности положения на фронте и в войске. Помимо чисто внутренних хозяйственных дел, круг уделял большое внимание фронту, где не все обстояло благополучно: было несколько случаев неисполнения боевых приказов и нарушения воинской дисциплины; участились самовольные отлучки; многие казаки отсылали или увозили казенное обмундирование домой; некоторые полки прибегали к грабежам и насилиям над мирным населением.

Для улаживания всех недоразумений депутаты круга неоднократно выезжали на фронт — к полкам, где производили подробные расследования и давали казакам соответствующие указания в виде отеческих внушений или строгих приказов, требуя от фронтовиков неукоснительного исполнения приказаний начальства и соблюдения войсковой «субординации». Приходилось прибегать и к суровым мерам — до расстрела включительно. При всяком посещении фронта каждый депутат круга считал долгом подчеркнуть казакам необходимость борьбы с большевиками до полной победы. В середине октября сессия Войскового круга закрылась. Депутаты-старики разъехались по своим станицам, а депутаты мобилизованных возрастов вернулись к своим полкам.

К концу осени положение на Актюбинском и Бузулукском фронтах с каждым днем становилось серьезнее. Большевики все время получали из Центральной России и Туркестана подкрепления и усиливали напор. Чтобы противопоставить натиску красных более упорное сопротивление и во что бы то ни стало отстоять Оренбург, атаман Дутов решил возвести ряд укрепленных позиций: на Бузулукском направлении — у станций Ново-Сергиевская, Платовка, Каргалы и станции Сакмарской; на Актюбинском направлении — в районе Илецкой Защиты и у станции Донгуз. В конечном результате обе группы позиций предполагалось сомкнуть, прикрыв таким образом Оренбург пулюкольцом укреплений с запада и с юга.

Общее руководство работами по постройке укреплений принял на себя начальник военно-окружного управления генерал-лейтенант Ипатович-Горанский. В качестве рабочей силы были привлечены военнопленные и крестьяне окрестных деревень. Но благодаря недостатку денежных средств, отсутствию на местах строительных материалов и почти полной невозможности достать для рабочих теплую одежду, дело с постройкой позиций шло довольно медленно, и к тому времени, когда войскам пришлось на этих позициях вести бой, ни одна из них не была готова.

18 ноября 1918 года в Омске произошел государственный переворот: Директория была свергнута; члены ее арестованы и высланы за границу, адмирал Колчак провозглашен Верховным Правителем. Об омских событиях атаман Дутов получил немедленное извещение по телеграфу с просьбой адмирала Колчака о поддержке. В то же время Комитет членов Учредительного собрания, обосновавшийся после падения Самары в Уфе, всюду разослал телеграммы с призывом: не признавать новой власти. Войсковое правительство Оренбургского войска, после ряда совещаний, на которых была детально разобрана вся обстановка борьбы в тылу и на фронте, пришло к решению, что единственным выходом из создавшегося положения является признание власти Верховного Правителя, о чем немедленно было дано знать в Омск.

Но Башкирское правительство, находившееся в постоянных сношениях с Комитетом членов Учредительного собрания, сочло Омский переворот актом антигосударственным и власти адмирала Колчака решило не признавать. На такую же точку зрения стали под влиянием воззваний комитета лидеры местных социалистов-революционеров и меньшевиков, а также небольшая часть офицеров, солдат и казаков. Главарь Башкирского правительства Валидов в ночь с 1 на 2 декабря созвал в Оренбурге (в помещении Караван-Сарая) тайное совещание, на котором присутствовали: прибывший из Уфы член Учредительно-

го собрания Вадим Чайкин, командующий Актюбинской группой Генерального штаба полковник Махин¹⁷³, атаман 1-го округа Каргин, некоторые члены Башкирского правительства и несколько офицеров (не казаков).

Валидов предлагал с помощью сосредоточенных в Оренбурге четырех башкирских полков арестовать атамана Дутова и некоторых высших чинов Оренбургского войска; объявить войскам и населению о непризнании адмирала Колчака и о подчинении Комитету членов Учредительного собрания. Но полковник Махин и Каргин находили такой переворот несвоевременным и опасным, ибо он мог повлечь за собой развал фронта. Участники совещания ни к какому решению не пришли. Намечавшийся заговор был открыт одним башкирским офицером. На следующий день полковник Махин получил от командующего армией генерала Дутова командировку в Омск, откуда он выехал за границу. В командование Актюбинской группой вступил генерал-лейтенант Жуков¹⁷⁴ (во время Великой войны командовал вначале 3-м Оренбургским казачьим полком, потом бригадой и, под конец, 12-й кавалерийской дивизией). Окружной съезд 1-го округа уволил атамана Каргина от занимаемой им должности.

Валидов выехал в пределы Башкирии. Башкирские полки были выведены из Оренбурга на усиление правого фланга Бузулукской группы и для прикрытия территории Башкирии. Вскоре Валидов перешел на сторону советской власти и увлек за собой часть башкирских войск; другая часть разбежалась по деревням, и лишь небольшие остатки, благодаря русскому командному составу, удалось удержать в Оренбургской (Юго-Западной) армии. Как раз в это время большевики, потеснив части генерала Ханжина к востоку, заняли Уфу и Стерлитамак, откуда стали продвигаться через пределы Башкирии — в обход Оренбурга с севера. Благодаря измене и уходу с фронта башкир правый фланг Бузулукской группы оказался обнаженным. В свою очередь на Актюбинском направлении красные перешли в решительное наступление и совершенно неожиданно для штаба Оренбургской армии заняли город Илецкая Защита (город Илецкая Защита, известный своими соляными промыслами, находится в 60 верстах южнее Оренбурга).

Таким образом, к январю месяцу 1919 года большевики повели наступление на Оренбург с трех сторон: с севера, запада и юга. Оренбургскому командованию пришлось спешно производить сложные маневры и перебрасывать войска с одного участка на другой. В полках ощущался недостаток в оружии, патронах и теплом обмундировании: благодаря отсутствию сплошной железнодорожной связи с Сибирью все грузы приходили в Оренбург с большим опозданием.

Наблюдалась усталость казаков от войны; боеспособность некоторых частей сильно понизилась; началось дезертирство, переход к красным и как следствие всего этого — моральное разложение. Большое смущение в ряды казачьей массы внесла измена башкир и участие в Валидовском заговоре бывшего командующего Актюбинской группой полковника Махина и атамана 1-го округа Каргина. Как всегда бывает в Гражданской войне, дело не обошлось без агитации и провокационных выступлений.

Несмотря на поголовную мобилизацию всего казачьего населения и другие экстренные меры, после ряда боев на Бузулукском и Актюбинском направлениях — причем особенно упорные столкновения произошли в районе станции Ново-Сергиевская и у Илецкой Защиты — Оренбург был оставлен в ночь на 21 января 1919 года и на следующий день занят большевиками. С потерей Оренбурга «армия потеряла сердце» — писал атаман Дутов, отдавая приказ об отходе на восток. Неоднократные попытки задержать наступление красных восточнее Оренбурга успехом не увенчались. Казаки катились назад, очищая станицу за станицей. После ожесточенного уличного боя был сдан и город Орск, с оставлением которого весь 1-й округ очутился в руках большевиков. После падения Орска из полков 1-го округа казаки стали расходиться по домам ватагами.

За Орском начиналась территория 2-го округа, население которого при приближении большевиков поголовно уходило за отступающей армией. В станицах оставались только немощные старики да женщины с малыми детьми. Здесь отступление армии стало постепенно задерживаться, но часть станиц и 2-го округа была занята красными. Войсковое правительтельство, штаб армии, штаб округа и все войсковые и губернские учреждения, окружной суд, казенная палата и пр. по оставлении Оренбурга переехали в Троицк. Кадетские корпуса — Неплюевский и 2-й Оренбургский, военное училище, Николаевский женский институт были впоследствии перевезены из Троицка в Иркутск. Многие жители города Оренбурга из так называемых буржуазных классов при приближении большевиков выехали в Сибирь.

С оставлением 1-го округа и потерей Орска железные дороги перешли в руки большевиков, благодаря чему связь красного Туркестана с красной Москвой была восстановлена и, наоборот, связь Уральского войска с оренбургцами и Сибирью прервана. Положение на остальных участках Восточного фронта в это время было следующее. Уральцы, будучи отрезаны от Оренбургской (Юго-Западной) армии и от Сибири, вынуждены были оставить город Уральск и отойти на юг, к Калмыкову. Западная армия, отступив вдоль Самаро-Златоустовской же-

лезной дороги на восток, приостановила наступление большевиков в глубь Уральских гор на линии реки Уфы; Сибирская армия вела бои к западу от Екатеринбурга. После падения Уфы Комитет членов Учредительного собрания распался: видные члены комитета во главе с Черновым перебежали к большевикам, остальные рассеялись. В это же время снялись с фронта и ушли в глубь Сибири чехословацкие части.

В рассматриваемый период Оренбургское войско вело борьбу с большевиками не в одиночку, а совместно с другими государственными образованиями, возникшими в Сибири, на Средней Волге и на Урале, которые составили так называемый «Фронт Учредительного собрания». Пока был подъем, пока все действовали вместе, на фронте дела шли успешно. Но как только начались разногласия — фронт пошатнулся, и громадная территория с богатейшими городами была отдана большевикам; при этом власть, претендовавшая играть первую роль, но преследовавшая не государственные, а партийные цели и не создавшая за собой никакой реальной силы, сошла со сцены первой вместе с теми местными властями, которые ее поддерживали во имя своих эгоистических интересов (Комитет членов Учредительного собрания и правительство Башкирии).

Борьба Оренбургского войска проходила в общегосударственном масштабе; Оренбургский фронт составлял нераздельную часть всего Восточного фронта; оренбургское командование не ограничивалось защитой одной войсковой территории. В ущерб своим краевым интересам, когда того требовала общая обстановка, атаман Дутов по собственной инициативе посылал целые полки на поддержку соседних фронтов, которые как раз нуждались в коннице.

Напряжение Оренбургского войска было полное: в критический момент Войсковое правительство не остановилось перед поголовной мобилизацией всего мужского населения, способного носить оружие. Условия, в которых приходилось бороться оренбургским казакам, были чрезвычайно трудные. В крае почти не существовало никакой промышленности, за исключением мукомольной, кожевенной и отчасти мыловаренной. Поэтому все виды довольствия, кроме интендантского, приходилось доставать на стороне путем всевозможных ухищрений. Организовать правильное снабжение армии не представлялось возможным, прежде всего в силу географического положения Оренбургского войска, которое не имело в тылу оборудованной базы.

Помимо транспортных затруднений, недочеты в снабжении Оренбургской армии в конце рассматриваемого периода много зависели и от порядка, установившегося в омской Ставке, когда в первую очередь удовлетворялись требования Сибирской и Западной армий и лишь ос-

татки посылались в Оренбургскую (Юго-Западную) армию. Последняя испытывала постоянный недостаток во всех видах армейского снабжения, особенно в пулеметах и пушках, которые к тому же в самые горячие периоды боевых столкновений вынуждены были иногда бездействовать из-за полного отсутствия патронов. Эти обстоятельства крайне неблагоприятно отражались на психике бойцов и понижали боеспособность частей. Тем более, что на стороне противника наблюдалось постоянное превосходство в огневых и технических средствах. Тяжелой артиллерии, броневых машин, не говоря уже о танках и аэропланах, у казаков совсем не было. В Оренбурге большевики оставили несколько поломанных аэропланов, к починке которых были приняты меры, но дело дальше пробных полетов не пошло из-за отсутствия исправных моторов. Броневые поезда были оборудованы на скорую руку из подручного материала своими средствами.

В боях с красными оренбургские казаки проявляли большую доблесть и высокое мужество, несмотря на неблагоприятные условия боевой обстановки. Недостаток в технике и в вооружении приходилось заменять живой силой и искупать лишней кровью. Но военное искусство с обеих сторон сплошь и рядом отсутствовало. Многие боевые приемы и навыки, приобретенные за время внешней войны, почему-то были забыты и в борьбе с большевиками применялись редко. Начальники всех степеней и рядовые казаки под влиянием Великой войны испытывали чрезмерное преклонение перед техникой и очень часто забывали о маневре и бое в конном строю, для которых в условиях Гражданской войны имелся широкий простор.

Среди казаков, защищавших непосредственно войсковую территорию, подъем и энтузиазм при успехах, часто сменялся упадком духа при неудачах, особенно когда приходилось отступать к границам войска или вести бои на войсковой территории, например под Орском. В этих случаях на настроение казаков сказывалась постоянная боязнь потери и разорения своих станиц, сопряженная с опасностью для родных и близких. Неприглядная боевая обстановка многих казаков тяготила, в их среде чувствовалось утомление войной. В периоды затишья и во время отступлений появлялась тяга в станицы, с чем было трудно бороться. Но наряду с этим другая часть казаков проявляла большую выдержку и поразительную нравственную упругость, которая не гнулась ни при каких обстоятельствах.

Полки, находившиеся вдали от войска — на Екатеринбургском и Уральском фронтах, — были поставлены во всех отношениях, и особенно по части снабжения их оружием и огнестрельными средствами, в лучшие условия по сравнению с полками Оренбургской армии, по отзывам

всех начальствующих лиц, зарекомендовали себя во всех боевых столкновениях с самой блестящей стороны как образцовые боевые части. Настроение в этих полках всегда было бодрое; тяги в «родные станицы», которые были от них далеко, там не наблюдалось.

Башкирцы показали себя хорошими солдатами, сохранившими — несмотря на революцию — старую дисциплину и уважение к старшим и к начальникам; но в политическом отношении это были люди совершенно темные; поэтому их главари могли ими пользоваться в каких угодно целях и увлечь в любую сторону, объяснив предварительно, что того или иного исполнения требует от них долг службы. Все вышеуказанные обстоятельства, вместе взятые, повлекли за собою неудачи на фронте Учредительного собрания вообще и в Оренбургском войске в частности.

* * *

В первых числах февраля 1919 года в городе Троицке собрался Войсковой круг, на который прибыл из Омска Верховный Правитель. В торжественном заседании, в присутствии представителей иностранных держав адмирал Колчак выступил перед кругом с программной речью, в которой подтвердил все казачьи права и вольности и указал, что своей целью он ставит доведение страны до Учредительного собрания, а ближайшей задачей — борьбу с большевиками. На восстановление разоренных станиц и оказание помощи семьям мобилизованных казаков Оренбургскому войску была отпущена денежная субсидия.

Незадолго до посещения города Троицка Верховным Правителем туда прибыли из Омска для ознакомления с положением на Оренбургском фронте миссии: французская, английская и японская. Миссии вошли в самые тесные сношения с атаманом Дутовым, Войсковым правительством, штабом армии и штабом округа. Начальники миссий — французской полковник Пишон, английской майор Нельсон и японской капитан Андо — неоднократно выступали на Войсковом круге с речами (все трое владели русским языком), в которых от имени своих правительств обещали оказать казачеству и всему делу освобождения России всемерную поддержку, особенно по части снабжения оружием и разным военным имуществом.

С французской миссией прибыли: французская батарея, небольшой отряд пехоты и инструкторы-пулеметчики с пулеметами разных систем. Немедленно были организованы курсы для обучения молодых казаков пулеметному делу. С целью детального ознакомления с положением в Оренбургской (Юго-Западной) армии и поднятия духа

в войсках на фронт выехали: майор Нельсон, французские офицеры (майор Гильюми, майор де Каранга, капитан Парис, поручик Фонтен и др.), которых население при проезде через станицы встречало с хлебом-солью и благословляло иконами.

С самого начала борьбы с большевиками среди казаков ходили всевозможные слухи о союзниках, прибытия которых ждали с нетерпением. Теперь при виде «настоящих» французских и английских офицеров и «подлинных» французских и английских солдат не только простодушным старикам в станицах, но и всем казакам и офицерам на фронте казалось, что разговоры о союзнической помощи начинают претворяться в действительность и что помощь эта не за горами. Появление французов и англичан среди оренбургских казаков было встречено восторженно и было очень кстати.

Обстановка на фронте Оренбургской армии в это время представлялась в таком виде: части отходили на восток, сдавая большевикам одну станицу за другой; казаки, покидавшие фронт, насчитывались тысячами; во многих полках шло глухое брожение.

Для успокоения фронта, подъема настроения и разъяснения казакам происходивших событий были командированы депутаты круга; в командном составе произведены изменения: так, командиром 2-го Оренбургского казачьего корпуса¹⁷⁵ назначен генерал-майор Акулинин (командовавший 2-м Оренбургским казачьим корпусом генерал-лейтенант Шишкин, бывший командующий Бузудукским фронтом, получил назначение в Омск на должность заведующего коневодством, как знаток этого дела); его место, главного начальника Оренбургского военного округа и помощника войскового атамана, занял генерал-лейтенант Тимашев¹⁷⁶; во всех частях произведена «чистка»: ненадежный элемент всюду, по возможности, изъят; небоеспособные полки отведены в тыл и частью расформированы, частью приведены в должный порядок; причем были пущены в ход и крайние средства до расстрелов включительно; в составе Войскового правительства также произошли некоторые персональные перемены: вместо Рудакова, Пономарева и Богданова членами правительства были избраны: Арзамасцев, Вопилов и Мурат Качуров (мусульманин).

После ряда реформирований и пополнений Оренбургскую армию составили три корпуса: 1-й Оренбургский казачий корпус¹⁷⁷ (1-я¹⁷⁸ и 2-я¹⁷⁹ казачьи дивизии) генерал-лейтенанта Жукова, действовавший в районе к северо-востоку от Орска — на Кустанайском направлении; 2-й Оренбургский казачий корпус (4-я¹⁸⁰ и 5-я¹⁸¹ казачьи дивизии) генерал-майора Акулинина, прикрывавший Троицкую железную дорогу и город Троицк — на Троицком направлении; 4-й Оренбургский ар-

мейский корпус¹⁸² (3-я¹⁸³ и 5-я¹⁸⁴ стрелковые дивизии) генерал-майора Бакича¹⁸⁵ (серб по происхождению; в мирное время служил в одном из сибирских стрелковых полков), оперировавший в Башкирии и прикрывавший горные заводы на Верхне-Уральском направлении.

Общее количество полков, выставленных в это время Оренбургским войском на Оренбургском, Уфимском и Пермском фронтах, доходило до 45, не считая мелких отрядов и артиллерии. Во время Великой войны согласно мобилизационному плану было: 18 действующих и 3 запасных Оренбургских полка, один отдельный дивизион, гвардейская сотня, несколько отдельных сотен, 6 действующих и 3 кадровые конные батареи. Из сопоставления этих цифр видно, как велико было напряжение Оренбургского войска в период Гражданской войны.

4-й Оренбургский армейский корпус был образован из 3-й стрелковой дивизии, бывшей в Народной армии, основание которой положили добровольцы-волжане Хвалынского, Вольского и Сызранского уездов, составившие очень крепкое ядро этой дивизии, и 5-й стрелковой дивизии, сформированной атаманом Дутовым в Оренбурге из не-казаков Оренбургского уезда.

Весной 1919 года обстановка на Восточном фронте резко изменилась. В первых числах марта, после тщательной подготовки, армии Верховного Правителя перешли в энергичное наступление по всему фронту, причем главный удар должны были нанести Сибирская и Западная армии в Пермском и Уфимском направлениях; на Оренбургскую (Юго-Западную) армию возлагалась второстепенная задача — содействовать наступлению двух правофланговых армий.

В связи с оставлением Оренбурга и разложением некоторых Оренбургских полков в Омске составилось представление об оренбургских казаках как об элементе неустойчивом и малобоеспособном; считали, что оренбургские казачьи части боевых операций в крупном масштабе самостоятельно вести не могут. Распространению такого мнения об оренбургских казаках много способствовали офицеры и гражданские лица, по тем или иным причинам покинувшие Оренбург и ряды Оренбургской армии и отправившиеся искать счастья в Омск.

Как раз в это время у атамана Дутова возникли нелады со Ставкой на почве снабжения Оренбургской (Юго-Западной) армии боевыми припасами; и затем произошли недоразумения с Омским правительством по вопросам, касающимся взаимоотношений Оренбургского войска с центральной властью, которая не всегда правильно учитывала положение на местах. Все представления атамана Дутова перед омскими правящими кругами были поддержаны Войсковым кругом. Но в результате этого появилась крайне нежелательная натянутость отно-

шений с обеих сторон и, как следствие всего, престиж Оренбургского войска в Омске сильно пал. Началось постепенное ослабление Оренбургской (Юго-Западной) армии путем выделения из ее некоторых войсковых частей. Прежде всего в виде привеска к Западной армии была создана Южная группа¹⁸⁶, в состав которой омская Ставка включила правофланговый 4-й армейский корпус Оренбургской (Юго-Западной) армии и несколько отдельных оренбургских казачьих частей.

К весне в Оренбургской армии остались только два корпуса: 1-й и 2-й, которые совместно с Южной группой в первой половине марта не только приостановили натиск большевиков, но и сами перешли в наступление. Произошел ряд встречных боев — у станицы Кваркенской, поселка Кульмского и станицы Кизильской — сначала без решительных результатов для обеих сторон. Большевики ни за что не хотели выпускать инициативы из своих рук и настойчиво пытались продолжать наступление. Особую активность проявляла 24-я советская дивизия, носившая название Железной, на участке 2-го Оренбургского казачьего корпуса. Но казаки ощетинились всюю. Искусно маневрируя, они нанесли большевикам ряд коротких ударов — у поселков Елизаветинского, Березовского и у деревни Верхняя Сосновка — с захватом артиллерии, обозов и пленных. Эти успехи ободрили казаков и подняли настроение в частях и станицах.

Большевики вынуждены были начать отход в сторону Башкирии (в Уральские горы). Казаки двинулись за ними. К сожалению, преследованию и маневрированию казаков и особенно действиям в конном строю мешали глубокий снег и потом наступившая распутица. Перед Орском большевики попытались задержаться. Произошел ряд новых боев — у хутора Савельевского, поселка Орловского, станицы Танальцкой и в районе киргизских аулов восточнее Орска. В этих боях казаки понесли большие потери, особенно в командном составе, но не приостановили наступления. По левому берегу реки Урала наступал 1-й, а по правому 2-й Оренбургские казачьи корпуса.

Наконец красные не выдержали. Командующий 1-й советской армией товарищ Гай приказал своим частям отходить в двух направлениях: к западу на Оренбург и к югу на Актюбинск. Несмотря на разлив рек и окончательную порчу дорог, казаки преследовали красных по пятам. Их новые попытки остановиться у города Актюбинска — на Ташкентской железной дороге — и у станции Кувандык — на Орской железной дороге — окончились новыми неудачами. Головной участок Орской железной дороги у станции Сары-Кувандык был захвачен 2-м Оренбургским казачьим корпусом, а на Ташкентскую железную дорогу (у города Актюбинска) вышел 1-й Оренбургский корпус.

В первой половине апреля все верхние станицы 1-го округа по рекам Уралу и Сакмаре были очищены от большевиков. Орская железная дорога почти до самого Оренбурга, а Ташкентская от Актюбинска до Илецкой Защиты перешли в руки казаков. Этим прерывалась связь Центральной России с советским Туркестаном и восстанавливалась связь оренбургцев и Сибири с уральцами. На линиях Ташкентской и Орской железных дорог казаки захватили большое количество подвижных составов с разным имуществом и сотни пудов хлеба, заготовленного и не вывезенного красными комиссарами.

К 20 апреля 2-й Оренбургский казачий корпус, наступая между реками Сакмарой и Уралом, подошел к Оренбургу двумя колоннами: одной со стороны станицы Пречистенской, а другой со стороны станицы Каменно-Озерной. Генерал-майор Акулинин решил взять город с налету и повел свои части в атаку как раз накануне Пасхи. Но атака окончилась неудачей. На главном направлении, вдоль полотна Орской железной дороги, наступал 42-й стрелковый Троицкий полк, незадолго перед тем получивший пополнение из солдат Кустанайского уезда Тургайской области, которые оказались, как потом выяснилось, ярыми большевиками. В самый решительный момент боя кустанайцы, бывшие в передовых цепях, стали группами перебегать в сторону красных, а из резервных и фланговых рот открыли огонь по двум соседним казачьим полкам.

На участках, где наступали казаки, со стороны противника появлялись белые флаги и раздавались крики: «Сдаемся» — но, когда казаки прекращали стрельбу и подходили к окопам, оттуда по ним открывали пулеметный и ружейный огонь. В результате вся операция была сорвана.

Необходимо пояснить, что за недостатком в Оренбургской армии стрелковой пехоты атаман Дутов неоднократно просил омскую Ставку усилить казаков хотя бы одной пехотной дивизией. Для этого была намечена вновь сформированная 2-я стрелковая дивизия, но в действительности прислан был лишь один 42-й полк, который вошел в состав 2-го Оренбургского казачьего корпуса.

В предшествовавших боях этот полк дрался прекрасно и понес большие потери. Перед наступлением к Оренбургу полку было прислано пополнение из Кустанайского уезда, находившегося в тылу Оренбургской (Юго-Западной) армии, где большевизм с самого начала революции пустил глубокие корни, особенно среди крестьян-новоселов. Там все время шло брожение, а временами вспыхивали вооруженные восстания целых волостей, подавляемые казаками с большим трудом и с большими жестокостями. Насильно мобилизованные кустанайцы при-

бывали на фронт озлобленными и настроенными в пользу большевиков. Из 42-го стрелкового полка часть их перешла на сторону красных еще в бою под станцией Кувандык, а остальные перебежали во время ночного наступления на город Оренбург, причем им удалось увести за собой нескольких офицеров и многих солдат из старого состава полка.

В следующие дни, приведя части в порядок, генерал-майор Акулинин снова перешел в наступление и после ряда атак сбил красных с высот над подступами к Оренбургу (горы Алебастровая, Гребенская, массив Платова и др.); овладеть городом опять не удалось. Между тем в частях вышли патроны, а на скорое получение их с тыла рассчитывать было нельзя.

Выше упоминалось, что непрерывной железнодорожной связью Оренбурга с Сибирью не существовало. Между Орской и Троицкой железными дорогами оставался еще недостроенный промежуток в 300 верст. К весне 1919 года оренбургское командование успело продолжить конечные участки на 100 верст, но сомкнуть обе линии — за недостатком рельс — так и не удалось. В этом месте — от станции Карталы (Троицкой железной дороги) — воинские грузы перевозились гужом, на казачьих подводах, от станицы к станице. Перевозка производилась медленно и неаккуратно, а во время распутицы и совсем приостановилась.

Как уже неоднократно отмечалось, казаки всегда терпели недостаток в патронах; винтовок, пулеметов, пушек у них так же, как и раньше, не хватало. Большевики во всем этом превосходили казаков. Но особенное упорство и устойчивость красным частям придавали броневые поезда и броневые автомобили, которых у казаков в этот период не было. Броневые автомобили, как новое средство борьбы, производили наиболее сильное впечатление на старых и молодых казаков, не бывших на фронте во время Великой войны.

Вслед за 2-м Оренбургским казачьим корпусом, преодолевая сопротивление красных, подошли к Оренбургу: с северо-востока из Башкирии 4-й Оренбургский армейский корпус генерал-майора Бакича (Южной группы) и с юго-востока, по Ташкентской железной дороге — 1-й Оренбургский казачий корпус генерал-лейтенанта Жукова (Оренбургской армии).

Генерал-майор Бакич повел энергичное наступление по правому берегу реки Сакмары в обход Оренбурга с запада. Но здесь произошла та же история, что и во 2-м Оренбургском казачьем корпусе, только в большем масштабе. Во время боев у станицы Сакмарской и Ситовского посада мобилизованные солдаты позднейших пополнений открыли огонь по своим частям и перешли на сторону красных. В

результате целая бригада пехоты и казачий дивизион были сброшены в реку Салмыш (приток реки Сакмары). Такой неожиданный поворот подбодрил большевиков, и они стали действовать более активно, особенно когда выяснили через перебежчиков силы и группировку своих противников.

Наибольшую угрозу для них представлял 2-й Оренбургский казачий корпус, подступивший к Оренбургу вплотную. На небольшом участке между реками Уралом и Сакмарой командующий 1-й советской армией товарищ Гай сосредоточил значительные силы и в первой половине мая перешел в наступление с целью смять и отбросить 2-й корпус к востоку, но, встреченный контрударом, принужден был с большими потерями отступить на заранее подготовленные позиции у самого города.

Следующая попытка товарища Гая наступать против 1-го Оренбургского казачьего корпуса окончилась для него также неудачно: несколько красных батальонов было изрублено казаками в конной атаке. Генерал-лейтенант Жуков не ограничился действиями под самым Оренбургом. Его части, постепенно продвигаясь в западном направлении, очистили от большевиков все линейные и низовые станицы (лежащие по реке Илеку и по левой стороне Урала, войдя в непосредственное соприкосновение с уральцами у Илеуцкого городка).

Таким образом, конец апреля и первая половина мая прошли в непрерывных боях вокруг Оренбурга. Большевиков спасали главным образом броневые автомобили, а также превосходство в артиллерии и особенно наличие большого количества пулеметов. Кроме того, следует указать, что подошедшие к Оренбургу корпуса были разобщены между собой реками Сакмарой и Уралом, которые во время половодья представляют серьезные препятствия, почему связь между штабами корпусов поддерживалась слабо, а взаимная выручка часто отсутствовала. Но что самое главное — корпуса не были объединены общим командованием: действовали врознь и несогласованно. 4-й Оренбургский армейский корпус был подчинен командующему Южной группой генерал-майору Белову, а 1-й и 2-й Оренбургские казачьи корпуса получали директивы от штаба Оренбургской (Юго-Западной) армии.

Атамана Дугова в это время на фронте не было. Занятый внутренними делами войска, он вынужден был оставаться в Троицке, а затем, по соображениям высшей политики, уехал в Омск. По должности командующего армией его временно заменил начальник штаба генерал-майор Вагин, который со штабом переехал в Орск; а в исполнение обязанностей войскового атамана вступил генерал-лейтенант Тимашев.

В двадцатых числах мая на участках 1-го и 2-го Оренбургских казачьих корпусов снова произошли ожесточенные бои, в которых ни одна из сторон решительного успеха не имела. Но казаки ни за что не хотели отказаться от мысли овладеть Оренбургом, хотя в последних боях выяснилось, что красные в Оренбургском районе значительно усилились. Командиры 1-го и 2-го Оренбургских казачьих корпусов, действовавшие до сих пор не вполне согласованно, стали готовиться к новой операции по овладению Оренбургом.

Для свободного маневрирования и взаимной поддержки было наведено через реку Урал два моста; принимались меры к возможно быстрому пополнению в частях боевых запасов; изучались до мельчайших подробностей подступы к Оренбургу; делались съемки местности; вычерчивались кроки; устанавливались батареи; производилась перегруппировка войска. Принимались меры и морального порядка: офицеры и заведующие в частях культурно-просветительными отделами вели с казаками и солдатами беседы, в которых разъясняли смысл происходивших событий, усиленно печатались и распространялись среди войск и населения, а также перебрасывались к красным приказы, воззвания, газеты. Одновременно с наступлением на фронте предполагалось выбросить конную группу на правый берег реки Урала (к западу от Оренбурга) для разрушения железной дороги (Оренбург—Самара) и нападения на противника с тыла.

В общем, намечалось повести на Оренбург методическое наступление, которое должно было завершиться конным ударом с фронта и с тыла. Всем казалось, что намеченная операция сулит несомненный успех, и падение Оренбурга ожидалось со дня на день; но 20 мая из Омска пришел приказ о расформировании Оренбургской (Юго-Западной) армии.

Этим же приказом создавалась новая — Южная армия, в состав которой должны были войти (после некоторых переформирований и перегруппировок) все части Оренбургской (Юго-Западной) армии и Южной группы, выделенной из Западной армии. Командующим Южной армией назначался Генерального штаба генерал-майор Белов (командовавший Южной группой). Штаб Оренбургской (Юго-Западной) армии расформировывался, и часть чинов штаба поступала на формирование разных учреждений Южной армии; остальные зачислялись в резерв. Командующий Оренбургской (Юго-Западной) армией генерал-лейтенант Дутов получал новое назначение — походного атамана всех казачьих войск и инспектора кавалерии, с оставлением войсковым атаманом Оренбургского войска.

Весеннее наступление Сибирской и Западной армий — в составе которой действовали лучшие Оренбургские казачьи полки — увенчалось большими успехами: были взяты Пермь и Уфа; части Сибирской армии переправились на правый берег реки Камы и угрожали Вятке и Казани; Западная армия приближалась к Симбирску и Самаре; начал оживать фронт уральских казаков; появились надежды на соединение армий Восточного фронта с Северной (Архангельской) и Добровольческой (Юга России) армиями. Победы на Восточном фронте за рассматриваемый период способствовали укреплению власти Омского правительства и высоко подняли имя Верховного Правителя адмирала Колчака.

Оставление оренбургскими казаками Оренбурга и недостижение крупных успехов на Оренбургском фронте умалили престиж атамана Дугова и Войскового правительства Оренбургского войска как в Сибири, так и среди казаков. С весны 1919 года в омских казачьих кругах не раз возникала мысль о созыве казачьего съезда и о создании центрального казачьего органа при Всероссийском (Омском) правительстве. Еще во время Директории в Омске было образовано Главное управление по казачьим делам, которое по своей конструкции мало чем отличалось от бывшего Главного управления казачьих войск. Но при новом Главном управлении состоялось Особое совещание из выборных представителей от всех восточных казачьих войск, которое возбуждало и обсуждало разные вопросы по казачьим делам. Председателем Особого совещания состоял начальник Главного управления по казачьим делам генерал-майор Б.И. Хорошкин (Уралец), который входил в состав совета министров на правах товарища министра. В Особом совещании как раз и разрабатывались проекты о казачьей власти и о казачьем съезде, но последующие события на фронте не позволили приступить к практическому осуществлению этих начинаний.

Из мероприятий Войскового правительства Оренбургского войска за это время необходимо отметить два неудачных постановления: во-первых, приказ о роспуске казаков старших сроков по домам, отданный в период наступления к Оренбургу, что сильно ослабило численный состав полков и вызвало недовольство среди недеобилизованных; во-вторых, приказ о прощении дезертиров с возвращением их в свои части. Благодаря последнему распоряжению хотя численность некоторых частей и повысилась, зато боеспособность их значительно понизилась: большинство казаков, дезертировавших при зимнем отступлении и присланных в части при весеннем наступлении, были или слепые эгоисты, или шкурники, или скрытые большевики. Оставле-

ние дезертирства безнаказанным внесло большое раздражение в рядах верных долгу казаков и явилось соблазном для слабодушных и колеблющихся.

* * *

В июне 1919 года в городе Троицке возобновил свои заседания Войсковой круг. Им было санкционировано вступление войскового атамана генерал-лейтенанта Дутова в должность походного атамана и инспектора кавалерии. Вызванная к жизни искусственно и получившая задачу действовать в пределах Башкирии и Оренбургского войска вновь сформированная Южная армия вначале себя ничем не проявила. Командующий армией генерал-майор Белов производил перегруппировку войск, получал укомплектование, налаживал тыл и штабной аппарат. Период реорганизации и формирования новой армии продолжался весь июнь и часть июля.

В конце концов, Южная армия составила из пяти корпусов: 4-го, 5-го¹⁸⁷ и 11-го армейских¹⁸⁸, 1-го Оренбургского казачьего и Сводно-Туркестанского¹⁸⁹. 2-й Оренбургский казачий корпус был расформирован; части его пошли на усиление 4-го и 11-го армейских и 1-го Оренбургского корпусов; командир корпуса генерал-майор Акулинин был отозван в Омск на должность начальника штаба походного атамана. 4-й Оренбургский армейский корпус генерал-майора Бакича, усиленный казачьими частями, вошел целиком в состав Южной армии. 5-й армейский корпус генерал-майора Элерц-Усова¹⁹⁰ прибыл из Сибири. 11-й армейский корпус был сформирован генерал-майором Галкиным¹⁹¹ в районе города Троицка из пленных красноармейцев, добровольцев и частью мобилизованных. На формирование Сводно-Туркестанского корпуса была обращена Оренбургская казачья пластунская дивизия с 1-м линейным конным полком, выделенные из состава 1-го Оренбургского казачьего корпуса; пластуны и линейцы после занятия Актюбинска наступали вдоль Ташкентской железной дороги в сторону Туркестана; туда же были направлены из Орска два стрелковых полка.

В состав 1-го Оренбургского казачьего корпуса, кроме его двух основных дивизий (1-й и 2-й), была включена еще одна дивизия (4-я) из расформированного 2-го корпуса. 1-й корпус в течение двух летних месяцев простоял под Оренбургом, не предпринимая никаких активных действий, так как не получал соответствующих директив из штаба армии.

Весенние успехи армии Верховного Правителя сильно встревожили большевиков, но они как раз к этому времени покончили с Укра-

иной и захватили Крым: у них освободились значительные силы, которые были немедленно переброшены на Восточный фронт, после чего красное командование повело здесь решительное наступление, особенно со стороны Самары.

К моменту перехода большевиков в наступление Сибирская и Западная армии, пройдя с непрерывными боями громадные пространства, понесли большие потери; части были измотаны, наступательный порыв в них ослабел; необходима была временная передышка и укрепление за собой занятой территории. Но желание поскорее выйти к Волге побудило высшее командование безостановочно двигаться вперед; тыл, как всегда, не поспевал за фронтом; части текли все больше и больше, причем выбывали из строя главным образом лучшие элементы: добровольцы и молодежь; для пополнения убыли были произведена мобилизация и сформировано несколько частей из пленных красноармейцев. Но мобилизованные — большей частью развращенные и зараженные большевизмом еще на фронте Великой войны комитетчики и бывшие красноармейцы — в первых же боях поодиночке, партиями и даже целыми частями с оружием в руках переходили на сторону красных или разбегались.

В первых числах июня Западная и Сибирская армии под давлением большевиков стали отходить на восток; за ними потянулся и правый фланг Южной армии. Были оставлены Пермь и Уфа, а затем Екатеринбург и Челябинск. К концу июля весь Уральский горнозаводский район находился в руках красных. Остатки Сибирской и Западной армий, а в их составе дивизия и бригада оренбургских казаков, уже отходили по ту сторону Уральских гор в пределы Западной Сибири.

С потерей Челябинска Южная армия и Оренбургское войско лишились железнодорожной связи со своей базой Сибирью. После захвата большевиками Троицка и Кустаная и занятия ими территории 3-го и 4-го округов создалась угроза не только правому флангу, но и тылу Южной армии. С падением Троицка, служившего промежуточной базой, тыл Южной армии повис в воздухе, а ее коммуникационные пути терялись в бесконечных степных пространствах.

Перед командующим Южной армией стала дилемма: принять ли удар большевиков, оставаясь на занимаемых позициях, или, не теряя связи со своей базой (Сибирью) и не отрываясь от соседей (Западной армии), отходить на восток в хлебородный Атбасарско-Кокчетавский район. Генерал-майор Белов решил: «Или умереть на своей фланговой позиции, или разбить врага» — и в соответствии с этим решением приступил к перегруппировке войск. Некоторые команди-

ры корпусов, учитывая общее стратегическое положение и моральное состояние своих войск, настойчиво советовали командующему, прикрывшись арьергардами и заслонами, отходить на восток. Отрываясь от Сибири, Южная армия поворачивала тылом к пустынным степям Туркестана, занятого большевиками.

Вдоль Ташкентской железной дороги действовал небольшой и только что сформированный Сводно-Туркестанский корпус, состоявший главным образом из пластунских и конных казачьих частей, выделенных из 1-го Оренбургского казачьего корпуса. В течение лета эти части под командой полковника Фадеева довольно успешно продвигались вперед, захватывая у красных одну станцию за другой. В первых числах августа полковник Фадеев подошел к Аральскому морю; но как раз в это время большевики получили подкрепление с Асхабадского фронта и стали оказывать упорное сопротивление.

Оттеснив Сибирскую и Западную армии за Уральский хребет, большевики в начале августа повели наступление против Южной армии. В районе Оренбурга перед фронтом 1-го Оренбургского казачьего корпуса, в командование которым в конце июля вступил командированный из Омска генерал-майор Акулинин, были сосредоточены значительные силы красной конницы и пехоты (генерал-лейтенант Жуков был отозван для занятия должности в тылу).

Фронт 1-го корпуса был сильно растянут. 1-я Оренбургская казачья дивизия генерал-майора Смирнова стояла кордоном к северу от реки Сакмары. 4-я Оренбургская казачья дивизия генерал-майора Лосева занимала промежуток между реками Сакмарой и Уралом в районе станиц Пречистенской и Каменно-Озерной. Дивизия имела задачу прикрывать Орскую железную дорогу, с тем чтобы при первой возможности перейти в наступление для овладения Оренбургом. Участок 2-й Оренбургской казачьей дивизии полковника Шеметова тянулся на несколько десятков верст вдоль левого берега реки Урала, от поселка Благодословенского до станицы Рассыпной (расположена на границе Оренбургского войска с Уральским войском).

Главные силы дивизии были расположены по линии Ташкентской железной дороги против города Оренбурга, где противников разделяла только река Урал; все пригородные рощи и дачные поселки были заняты казаками. Ниже города Оренбурга сплошного расположения не было; река наблюдалась разъездами, и лишь в пунктах вероятных переправ были выставлены сторожевые заставы. В распоряжении командира корпуса никаких резервов не было.

По прибытии к месту нового назначения генерал-майор Акулинин попытался перейти в наступление на участке 4-й дивизии между ре-

ками Сакмарой и Уралом, где местность благоприятствовала скрытому подходу (холмы, овраги); однако красные за лето здесь укрепились, атаки казаков были отбиты. Тогда командир корпуса решил принять более сосредоточенное расположение, чтобы выделить маневренную группу для активных действий. Части корпуса стали готовиться к перегруппировке, но в этот момент красное командование переправило через реку Урал, ниже города Оренбурга, конную дивизию, которая без труда оттеснила сторожевые казачьи отряды и вышла во фланг 1-му корпусу. Вслед за этим большевики повели решительное наступление вдоль Орской и Ташкентской железных дорог.

Растянутые части 1-го корпуса не могли сдержать большевистского натиска и стали постепенно отходить на восток, задерживая противника на попутных рубежах. Наиболее упорное сопротивление оказывала 2-я дивизия полковника Шеметова. В то же время обозначилось наступление большевиков и на фронте соседнего 11-го армейского корпуса генерал-майора Галкина, действовавшего севернее Орской железной дороги. 11-й корпус — как упоминалось выше — был сформирован преимущественно из пленных красноармейцев: к нему были приданы башкирские и казачьи конные части.

При первых же боевых столкновениях в 11-м корпусе началось дезертирство и переход на сторону красных, сначала поодиночке и небольшими группами, а потом целыми частями: так, целиком сдалась Башкирская конная бригада; были случаи, когда свои же части открывали огонь по своим. В результате измены и предательства на участке 11-го корпуса образовались интервалы, совершенно свободные от войск: резервов для их занятия не было. Красные ринулись в эти промежутки и захватили Орск — передовую базу Южной армии, где были сосредоточены запасы артиллерийского, инженерного и интендантского имущества и где находился штаб армии.

Спешно перебросенный из Башкирии в район Орска 5-й корпус уже не мог восстановить положение и лишь на время задержал развитие успеха большевиков. С захватом Орского участка Южная армия разрывалась на две части: 4-й Оренбургский армейский корпус генерал-майора Бакича оставался севернее Орска, а все остальные корпуса оказались к югу и юго-западу от него. 1-й Оренбургский казачий корпус генерал-майора Акулинина сдерживал натиск противника по обеим сторонам реки Урала между Орской и Ташкентской железными дорогами — причем особенно ожесточенные бои произошли у станции Мартук; но вследствие падения Орска, когда противник очутился в тылу, и обхода левого фланга конницей красных части 1-го корпуса принуждены были отойти к Актюбинску.

Штаб Южной армии переехал сначала в Актюбинск, а затем, постепенно спускаясь по Ташкентской железной дороге на юг, остановился на станции Челкар в киргизской степи. Для удержания Актюбинского района была образована так называемая Северная группа в составе 11-го, 5-го и 1-го Оренбургского казачьего корпусов, но уже 2 сентября, после короткого боя, Актюбинск был оставлен. К Актюбинску были сосредоточены силы, достаточные для обороны города и его окрестностей по крайней мере в течение нескольких дней; но разложение уже несколько охватило войска, что части, оборонявшие Актюбинск, после нескольких выстрелов или отступали, или передавались красным; в начальника обороны города Актюбинска, генерал-майора Комаровского, стреляли свои же солдаты.

Видя неустойчивость фронта, командующий Южной армией решил пробиваться в Туркестан. Туда вел единственный путь — Ташкентская железная дорога, пролегающая на целые сотни верст по безводной пустыне; других путей подготовлено не было. Пробраться по такой узкой кишке целой армии — хотя и сильно уменьшившейся численно — едва ли представлялось возможным, особенно без запасов продовольствия. Правда, генерал-майор Белов рассчитывал заготовить хлеб и фураж в районе станций Челкар и Эмба, но благодаря недостатку транспортных средств и быстрой смене событий подвезти к железной дороге ничего не удалось. Кроме того, путь отхода был закупорен большевистским отрядом, упорно удерживавшим станцию Аральское Море, а в то же время и со стороны Актюбинска противник наседал вовсю. Генерал-майор Бакич, находясь к северу от Орска и считая отход своего корпуса на юг невыполнимым, двинулся на восток, о чем и донес командующему армией.

После падения Актюбинска туда же направился с небольшими остатками 11-го армейского корпуса генерал-майор Галкин. На юг по обеим сторонам Ташкентской железной дороги отходили 5-й армейский и 1-й Оренбургский казачий корпуса. По мере отхода деморализация среди войск увеличивалась все больше и больше. Разложению и панике способствовали многочисленные обозы и караваны беженцев, запрудившие все дороги. Тайные и явные агитаторы большевиков в это время уже энергично работали, играя главным образом на том, что начальство ведет солдат и казаков в «пески», где нет ни воды ни хлеба и где всех ждет неминуемая гибель. Был пущен в ход провокаторский слух, что генерал Белов — немец (его бывшая фамилия Витекопф), ставленник большевиков и что он преднамеренно ведет армию к катастрофе.

Все эти слухи, сплетни и разговоры, явная и тайная агитация, в связи с неудачами на фронте и недостатком продовольствия, действо-

вали угнетающе не только на малосознательную солдатскую массу, но и неустойчивую часть офицерства. Пробиваться с такими войсками на Ташкент нечего было и думать. Тем более, что, узнав о неудачах под Актюбинском, некоторые части Сводно-Туркестанского корпуса, действовавшие против станции Аральское Море, открыли фронт. 42-й стрелковый Троицкий полк перешел на сторону красных (тот самый полк, который в апреле месяце сорвал атаку Оренбурга во 2-м Оренбургском казачьем корпусе), а 2-й пластунский полк, захватив подвижной состав, двинулся по железной дороге к северу навстречу большевикам и на станции Челкар едва не арестовал штаб армии.

Генерал-майор Белов все еще пытался восстановить фронт, но это было невозможно: большая часть войск к этому времени представляла собой деморализованные митингующие массы. Чтобы спасти офицеров и хотя бы кадры полков, командиры 1-го Оренбургского казачьего и 5-го армейского корпусов настойчиво просили командующего армией как можно скорее вывести еще уцелевшие части из моря разложившихся тылов, с тем чтобы, оторвавшись от противника, начать планомерный отход.

Генерал-майор Белов, отказавшись от мысли пробиваться на Ташкент, предполагал сначала отойти с остатками армии к Каспийскому морю; но затем перерешил и отдал приказ двигаться на восток — в сторону Атбасара (находится на территории Сибирского казачьего войска). Однако к этому времени большинство солдат и казаков поодиночке и группами, ротами и сотнями, с оружием и без оружия ушли на север сдаваться красным или разбрелись по аулам и поселкам.

В районе станции Джурун и города Темира (Темир и ст. Джурун Тургайской области, находятся в пределах Киргизской степи) вышли остатки 1-го Оренбургского казачьего и 5-го армейского корпусов и разные тыловые учреждения. От станции Джурун на Атбасар путь проходил по бесплодной Киргизской степи; по дороге лежали только два небольших городка — Иргиз и Тургай; у оставшихся частей не было в запасе ни хлеба, ни сухарей, ни фуража. На заготовку всего этого не имелось времени, да и не на чем было везти: все транспорты и обозы расстроились и разбежались.

Генерал-майор Акулинин и генерал-майор Элерц-Усов находили, что пускаться в длинный путь на восток с остатками деморализованных частей без запасов продовольствия рискованно, и настаивали на отходе к западу — в Уральскую область. Путь здесь был короче, и по дороге можно было найти небольшие запасы хлеба и фуража. Генерал-майор Белов с этим предложением не согласился. Пока шли переговоры между штабами корпусов и штабом армии, части 5-го ар-

мейского корпуса, сосредоточенные в районе станции Джурун, открыли огонь друг по другу: одни хотели уходить на север к большевикам, другие их не пускали. В результате большая часть 5-го корпуса разбежалась или ушла к красным; небольшие группы, по инициативе частных начальников, потянулись на запад и, следуя по рекам Эмбе и Сагизу, вышли впоследствии на Жилую Косу (рыбачий поселок на восточном берегу Каспийского моря) и к городу Уилу.

Командир 5-го армейского корпуса генерал-майор Элерц-Усов со штабом и последними остатками своих войск ушел на восток. В 1-м Оренбургском казачьем корпусе после боев под Актюбинском относительный порядок сохранился, в 1-й дивизии генерал-майора Смирнова, которая вышла западнее Ташкентской железной дороги к городу Темиру. Наибольшему разложению подверглись 2-я дивизия полковника Шеметова и 4-я дивизия генерал-майора Лосева, отходившие восточнее железной дороги и попавшие в гущу обозов и беженских таборов. Начальники обеих дивизий с остатками своих частей отошли в направлении на город Иргиз, откуда в спешном порядке двинулись на восток, не успев предупредить о своем уходе даже командира корпуса. В арьергарде 1-го Оренбургского казачьего корпуса, прикрывая железную дорогу, отходил 21-й Оренбургский казачий полк (2-й дивизии) войскового старшины Керенцева. При приближении к станции Джурун полку пришлось пробиваться с боем через толпы солдат 5-го корпуса, двигавшихся на север к красным. Вокруг генерал-майора Акулинина на станции Джурун сгруппировалось около 500 офицеров и казаков разных частей, среди которых создалось определенное настроение идти на запад — к уральцам. Как раз в это время в штаб 1-го Оренбургского казачьего корпуса прибыли гонцы из Уральского войска с вестями о блестящих победах, только что одержанных Уральской армией над советскими войсками.

Корпусная радиостанция ежедневно сообщала об успехах Добровольческой армии на путях к Москве и Саратову. Появилась надежда на скорое соединение Уральского фронта с Добровольческой армией. Поэтому отрывать от уральцев, терять связь со своим войском и уходить на Восток, при полной неизвестности о положении в Сибири, всем офицерам и казакам казалось нецелесообразным.

Считаясь со всеми этими обстоятельствами и имея в виду, что наиболее сохранившаяся от разложения 1-я дивизия находилась к западу от Ташкентской железной дороги, командир 1-го Оренбургского казачьего корпуса решил двинуться на запад — к пределам Уральского войска — и отдал приказ о выступлении на город Уил. Части корпуса выступили со станции Джурун 9 сентября. В тот же день Джурун была

занята взбунтовавшимися пластунами, прибывшими с юга. Поход совершался по Киргизской степи двумя колоннами: полки 1-й дивизии шли по тракту Темир—Уил, а штаб корпуса с остатками войсковых частей и тыловых учреждений, под прикрытием отряда особого назначения есаула Крылова, следовал южнее — караванным путем вдоль реки Сагиза. Между 15—22 сентября остатки 1-го Оренбургского корпуса собрались в степном городке Уиле, расположенном на реке того же названия. (Уил — бывшее Уильское укрепление (Уральской области), находится в 250 верстах южнее города Оренбурга и в 180 верстах восточнее города Калмыкова. Известен своей богатой «Уильской ярмаркой», на которую съезжается «вся степь», а также купцы из юго-восточной России, Хивы, Бухары и Туркестана.) По дороге много казаков разбежалось, и до Уила дошло всего 2000 человек.

Командующий Южной армией генерал-майор Белов с частью своего штаба уехал в Атбасар, где стал собирать остатки своей армии, ушедшие на Восток. Вскоре он был вызван в Омск, и его место, по распоряжению омской Ставки, заступил генерал-лейтенант Дутов, только что вернувшийся с Дальнего Востока, куда он ездил в качестве походного атамана для ознакомления с положением дел в Забайкальском, Амурском и Уссурийском казачьих войсках.

В районе Атбасара—Кокчетавы, на территории Сибирского казачьего войска, к атаману Дутову постепенно собрались офицеры, казаки и солдаты Южной армии, которым удалось пробраться на восток. Сюда же подошел окружной атаман 2-го округа Захаров со своим отрядом в 3000 человек и некоторые отдельные оренбургские полки и сотни, бывшие на разных участках фронта. Вместе с воинскими частями прибыли многочисленные обозы беженцев из оренбургских станиц.

К Атбасару вышел и 4-й Оренбургский армейский корпус генерал-майора Бакича с Отдельной казачьей бригадой лихого партизана Разумника-Степанова, который при отходе от Троицка и Кустаная успел нанести красным отрядам ряд жестоких ударов. Всего к атаману Дутову собралось около 20 тысяч человек. Немедленно было приступлено к формированию армии, под именем Оренбургской, которая по плану Ставки должна была действовать совместно с мобилизованными сибирскими казаками, южнее Сибирской железнодорожной магистрали.

После поражения, нанесенного на востоке Сибирской и Западной армиям, трудно было рассчитывать, чтобы Южная армия, предоставленная самой себе, могла выдержать очередной удар объединенных советских сил. Но с другой стороны, едва ли кто мог допустить такой быстрый и катастрофический конец, какой постиг армию генерал-майора Белова. Казалось, что армия, состоявшая из пяти корпусов, хотя и

не полного состава, в состоянии была оказать большевистскому натиску более упорное и длительное сопротивление, чем это произошло в действительности. Следовательно, были какие-то причины, которые способствовали развалу войск и ускорили гибель Южной армии.

Эти причины можно усмотреть в следующих фактах.

1) Расформирование Оренбургской (Юго-Западной) армии и формирование вместо нее Южной повлекло за собой перерыв в операциях и перетасовку войск, что совершенно не вызывалось обстановкой. Оренбургская (Юго-Западная) армия представляла собою не мертвый труп, а живой организм, который сначала разрезали на куски, а потом снова соединили под именем Южной армии; но вдохнуть жизнь в новый организм не сумели и не успели: большевики скоро перешли в наступление.

2) Уничтожение Оренбургской (Юго-Западной) армии, созданной казаками, состоявшей главным образом из казачьих частей и под командой казака (атамана Дутова), больно ударило по самолюбию всех оренбургских казаков и, несомненно, отразилось на их настроении отрицательным образом. Обстановка требовала не расформирования Оренбургской (Юго-Западной) армии, а усиления ее пехотными частями и техническими средствами.

3) Командующий Южной армией со своим планом оставаться на месте в пределах Башкирии и в Области войска Оренбургского, после того как связь с соседней (Западной) армией и с основной базой (Сибирью) была прервана, поставил армию в критическое положение: армия оказалась без тыла. Решение же генерал-майора Белова, после неудач под Орском и Актюбинском, отходить на Ташкент (что на языке казаков и солдат называлось идти в «пески») окончательно погубило армию. Правда, принимая первое решение, командующий Южной армией исходил из предположений, что Сибирская и Западная армии, получив подкрепления, быстро оправятся и перейдут в наступление и что Южная армия до их подхода выдержит натиск советских войск. В стойкость своей армии — особенно башкирских частей — генерал-майор Белов верил глубоко.

4) После боев под Орском и Актюбинском необходимо было, прикрывшись арьергардами, отводить расстроенные части как можно скорее на восток; но генерал-майор Белов, находясь со штабом армии в тылу и не представляя истинной картины разложения войск, наоборот, пытался задержаться и восстановить фронт, чтобы затем начать планомерный отход по Ташкентской железной дороге в Туркестан.

5) Привлечение в строй пленных красноармейцев не оправдало возлагавшихся на них надежд и имело тяжкие последствия: со сто-

роны красноармейцев было проявлено много случаев предательства и обратного перехода на сторону большевиков.

6) Распыление казачьих полков между всеми корпусами, отсутствие в руках командующего армией конного кулака, возложение на всю конницу пассивных задач с приковыванием ее к позициям — все это содействовало неудачам армии.

7) Малая устойчивость некоторых казачьих частей и неумение их драться в конном строю понижали обороноспособность отдельных участков фронта. Последние обстоятельства объясняются отчасти тем, что казачьи полки в значительной степени были «разбавлены» плохо обученными малолетками и совершенно «не обстрелянными» стариками, «неспособными» казаками.

8) Наблюдались недовольство и апатия среди солдат и казаков на почве усталости от войны и тоски по семье и станице.

9) Среди солдатской и даже казачьей массы были сознательные большевики и сочувствующие большевизму, которые тайком от начальства, а иногда и открыто вели в частях разлагающую работу.

10) Громадную роль в разложении армии сыграла умело поставленная и широко развитая агитация большевиков и слабая постановка дела пропаганды с антибольшевистской стороны.

* * *

Командир 1-го Оренбургского казачьего корпуса считал, что после разгрома Южной армии большевики обрушатся на уральцев, почему, отойдя к Уилу, поставил себе задачей прикрыть правый фланг Уральской армии, содействуя ее операциям. Уильский район для Уральского войска имел громадное значение благодаря большим запасам хлеба. Это был единственный источник, откуда уральцы могли получить хлебные продукты, так как в районе, занимаемом Уральской армией, их совершенно не было, а расчеты уральского командования получить хлеб с Кубани не оправдались. Кроме того, город Уил представлял собою узел караванных путей, заняв которые оренбургцы прикрыли от большевиков Доссорские нефтяные промыслы, где имелись запасы нефти, в которой так нуждались и большевики, и уральцы.

Положение на фронте Уральской армии к моменту прихода 1-го Оренбургского казачьего корпуса было прочное: уральцы стояли по обоим берегам реки Урала южнее Уральска и Илецкого городка и готовились к операции по овладению городом Уральском. Утвердившись в районе города Уила и приведя остатки расстроенных частей в порядок, генерал-майор Акулинин стал высылать небольшие отряды в сто-

рону Илецкой Защиты и Ташкентской железной дороги. Одни из этих отрядов вели разведку и устанавливали связь с линейными станицами, расположенными по реке Илеку; другие производили налеты на Ташкентскую железную дорогу; третьи способствовали заготовкам и вывозу хлеба для Уральской армии из богатых крестьянских хуторов.

Для поддержания духа казаков и офицеров при штабе 1-го Оренбургского казачьего корпуса издавалась газета «Военный Вестник», материалом для которой служили главным образом добровольческие и большевистские радиосообщения, ежедневно перехватываемые корпусной радиостанцией. Из радиосообщений оренбургские казаки, заброшенные в глухую Киргизскую степь, видели, как Добровольческая армия неуклонным потоком двигалась на север, к Москве. Это вносило бодрость, заставляло забывать о собственных неудачах и вселяло уверенность в окончательной победе над советской властью.

В городе Уиле находилось Киргизское правительство Западной Алаш-Орды, так называемый Уилский Олейят, которое имело небольшие воинские части из киргизов, сформированные при помощи казаков. Между Алаш-Ордой и прибывшими оренбургскими казаками установились довольно хорошие отношения. Киргизы, прекрасно знавшие степь и имевшие постоянную связь со своими родичами самых отдаленных аулов, много помогали казакам в деле разведки и доставки донесений, давая знать о всех передвижениях большевистских отрядов. Первоначальные попытки большевиков овладеть Уилом отражались казаками с успехом; но в конце октября красные отряды, пополненные повстанцами из крестьян и киргизов, подступили к Уилу вплотную. Отходя с остатками 1-го Оренбургского казачьего корпуса в район Уила, генерал-майор Акулинин рассчитывал на приток беглецов из 1-го округа — по примеру прошлого года, на скорое восстание линейных и низовых станиц. Ни один из этих расчетов не оправдался.

А. Масянов¹⁹²

УРАЛЬСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО В БОРЬБЕ С БОЛЬШЕВИКАМИ¹⁹³

Я не знаю, как восприняли революцию другие станицы. Скажу немного о моей, Чижинской. Когда пришли казаки с фронта, они сейчас же организовали Союз фронтовиков. Было у нас общество взаимной поддержки, куда вносили казаки известный маленький процент пшеницы с урожая. Это был как бы пшеничный банк, откуда, в слу-